

Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода.-- Л.: Наука, 1985.

Русская литература XIX в. начинается с Жуковского. Опубликованный в 1802 г. в "Вестнике Европы" его перевод элегии английского поэта Грея "Сельское кладбище" как бы завершал эпоху карамзинского сентиментализма, вобрав ее достижения, и открывал новый, романтический, период русской литературы.¹ Впоследствии Белинский указывал, что Жуковский "имеет великое историческое значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал ее доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина".²

Как известно, большую часть творческого наследия Жуковского составляют переводы. Его усилиями многие поэтические произведения Запада и Востока, древности и его времени зазвучали по-русски. Белинский там же отмечал: "... другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковского: благодаря ему немецкая поэзия -- нам родная, и мы умеем понимать ее без того усилия, которое условливается чуждою национальностью".³

Естественно возникает вопрос, расценивать ли творчество Жуковского как оригинальное или переводное. А этот вопрос влечет за собой следующий: чем определяется понятие переводной литературы?

Обычно исследование переводческой деятельности литератора включает в себя два основных аспекта: первый -- сопоставление перевода с оригиналом для установления их близости или расхождения и выявления средств, которыми пользуется переводчик для передачи особенностей переводимого текста; второй -- выяснение на основании анализа статей, предисловий, писем и других материалов теоретических взглядов переводчика, т. е. целей, которые он сознательно перед собой ставил. Однако существует третий аспект, который, как правило, не привлекает внимания исследователей. Это -- отношение читателей (в том числе критиков и издателей) к переводному произведению, а именно: рассматривают ли они его как полноправное произведение родной литературы, принадлежащее переводчику и только тематически "подсказанное" иноязычным оригиналом, или как произведение чужой литературы, получившее лишь новое языковое воплощение, но отнюдь не равнозначное оригинальному произведению. Иными словами, стихотворением Жуковского или Грея считали русские читатели элегию "Сельское кладбище", выражение мыслей и чувств Жуковского или Шиллера находили они в балладе "Кубок" и т. д. Это читательское восприятие имеет чрезвычайно важное значение для формирования понятия переводной литературы и в свою очередь оказывает обратное воздействие и на практику переводчика и на его теоретические воззрения.

На более ранних этапах развития литературы не существует принципиальной разницы между оригинальными и переводными произведениями: последние входят в национальную литературу как полноправные его члены. Именно это имел в виду Тредиаковский, когда писал в 1730 г., что "переводчик от творца только что именем рознится",⁴ а не оценку сложности переводческого труда, как толкуют нередко эти слова в наши дни. Такой взгляд отражал концепцию перевода, присущую классицизму. Известно, что переводчик-классик стремился не столько к воссозданию на своем языке индивидуального иноязычного произведения, сколько к созданию некоего внеличного произведения, приближающегося к идеалу. При этом он позволял себе вполне свободно обращаться с переводимым автором, если переделки, с его точки зрения, улучшали произведение. Бережно относился он только к тому автору, который, по его понятиям, сам приближался к идеалу.⁵ Отсюда присущая XVIII в. "принципиальная анонимность" произведения, когда "оно живет, функционирует, бытует без автора, хотя бы автор и был известен и имя его было напечатано в соответственном месте".⁶ Поэтому и мог Тредиаковский писать в "предуведомлении" к своему переводу "Римской истории" Ш. Роллена: "Да и что нужды читателям, мое ли или чужое от меня читают, только б им читать приятное, важное и полезное, а не шпынское, пустое и сатирическое?".⁷

Понятие переводной литературы в первую очередь распространилось на переведенную беллетристику. С одной стороны, это, видимо, было связано с тем, что беллетристика почиталась низшим жанром, "присвоение" которого не принесло бы особой чести переводчику. С другой стороны, на поприще прозаического перевода зачастую подвизались безвестные литераторы, ремесленники или дилетанты, чье имя не могло украсить печатное издание. Так или иначе, но уже в XVIII в. переводные прозаические произведения, даже в тех случаях, когда они публиковались анонимно (причиной чего подчас была анонимность самого оригинала), нередко сопровождалось указанием, с какого языка они